

Засодимский Павел Владимирович

Кто во что горазд

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Кто во что горазд: Роман / Засодимский Павел Владимирович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 290 с.

ISBN 978-5-519-85806-9

ISBN 978-5-519-85806-9

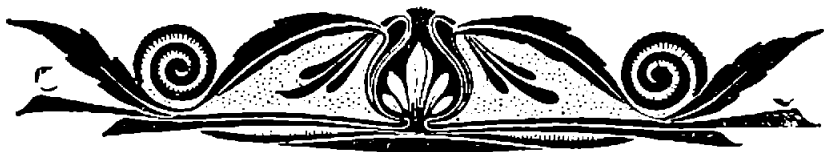
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Подлѣсное.

Вокругъ Подлѣснаго не только лѣсовъ, даже большихъ кустовъ не видать. Черноземныя поля и степи — ровныя, гладкія, какъ скатерть, — расходятся кругомъ такъ далеко, какъ только можетъ глазъ охватить. Ни сучка, ни задоринки... На запущенныхъ полосахъ и по степи тамъ и сямъ только торчитъ терновникъ, да великанъ-пырей качается... Если вы спросите подлѣснцевъ, отчего такъ несуразно прозывается ихъ деревня, всякій изъ нихъ отвѣтитъ вамъ:

— А прахъ ее знаетъ!

Помѣщики-охотники сказываютъ, что въ незапамятныя времена въ той сторонѣ залегали дремучіе лѣса, и въ тѣхъ лѣсахъ обитали кабаны и другіе крупные звѣри. „Не даромъ же“, говорятъ они, „есть у насъ село Кабаново“. Нынѣ же вокругъ Подлѣснаго можно встрѣтить изъ звѣрей только волка и зайца, да изрѣдка, пожалуй, лисаньку. Но здѣсь зато и нынѣ не мало всякой птицы: дрохвы большими стадами, какъ овцы, расхаживаютъ по степямъ, сюда прилетаетъ стрепетъ; по

рѣкамъ и въ прудахъ кричатъ кулички и чибиса; въ травянистыхъ болотцахъ скрываются утки и бекасы; здѣсь живутъ дупель и перепелъ: перепеловъ—тѣма; на лугу кричитъ коростель; въ тростникѣ стонетъ выпь... Въ подлѣсновской сторонѣ также довольно много водится недобрыхъ маленькихъ звѣрковъ, въ родѣ хорьковъ и сусликовъ.

Въ послѣднее время, т.-е. въ 1874 году, въ Подлѣсномъ считалось до 48 дворовъ и въ тѣхъ дворахъ всего-на-все жило 152 души.

По всей деревнѣ, съ сѣвера на полдень, проходила одна широкая улица,—то главная улица; но переулочковъ и закоулочковъ было множество, почти столько же, сколько избъ. Дворы крестьянскіе были разбросаны въ безпорядкѣ тамъ и сямъ, словно ихъ тутъ зря понатыкали. Хотя мало-мало, но и въ Подлѣсномъ была видна зелень: у избъ кое-гдѣ торчали ветлы, яблоньки и густо разрасталось вишенье. За иными хатами тянулись огороды; въ нихъ лѣтнею порой красиво цвѣлъ макъ, и подсолнухи высоко и гордо поднимали свои желтыя головы. За деревней шли конопляники, а еще далѣе разметывались степи и поля, поля и степи... Въ полуверстѣ отъ Подлѣснаго, къ сѣверу, стояла старенькая церковь съ низкой деревянной колокольней. Ярко-зеленая церковная крыша, недавно выкрашенная, издали блестѣла на солнцѣ. Наискосокъ отъ церкви, рядышкомъ, уставились дома: священника, дьячка и просвирни. Сторожка стояла ближе къ церкви. Старинная кирпичная ограда вокругъ погоста лежала вся въ развалинахъ... На-

полдень отъ деревни протекала рѣчка Сукочь, до того мелкая, что лѣтомъ любой парнишка или дѣвчоночка, засучивъ рубашонку, могли безопасно переходить по ея иловатому дну и съ полнымъ удовольствіемъ могли пачкаться по брюхо въ ея черной, липкой грязи. Для проѣзда черезъ рѣчку была навалена соломенная плотина... По берегу, на деревенской сторонѣ, росли густыя ветлы. Ихъ нижнія вѣтви спускались до самой воды. Тутъ было мѣсто купанья. Впрочемъ, мальчишки по лѣтнимъ вечерамъ сновали голые взадъ и впередъ по всей рѣчкѣ и по обоимъ берегамъ ея. Тутъ же, подъ ветлами, бабы устроили себѣ плотикъ для мытья. Воду же для питья подлѣсновцы брали изъ колодцевъ... Берега Сукочи были низкіе, отлогіе. Въ послѣднія 15 лѣтъ эта рѣчка трижды мѣняла свое русло. Въ весеннее половодье, бывало, она возьметъ да и выльется на берегъ и далеко разольется по лугу. Образуется рукавъ... Смотришь, черезъ годъ—прежнее-то, настоящее русло ужъ поминай, какъ звали: высохло, да и травой поросло. А рукавъ, между тѣмъ, сталъ русломъ. Беапутная рѣчочка, перемѣнчивая, что твое дѣвичье сердечко!...

Подлѣсновцы были бывшіе крѣпостные, нынѣ временно обязанные. Они были бѣдны землей, значить, — всѣмъ бѣдны. Фабрикъ и большихъ заводовъ въ той сторонѣ не водилось. На два пивоваренныхъ завода и на одну винокурню рабочихъ рукъ спрашивалось мало... Въ надѣлѣ имъ досталось земли только по 2 десятины. Въ полный-то надѣлъ имъ приходилось около 4 десятинъ, да сами они отказались отъ нихъ... Въ ту пору, какъ

шли нарѣзки надѣловъ и утвержденіе уставныхъ грамотъ, въ подлѣсновской сторонѣ, взявшись нивѣсть откуда, пронесся такой диковинный слухъ, что ежели крестьяне пойдутъ на соглашеніе и возьмутъ полный надѣлъ, то съ этимъ надѣломъ они и останутся до скончанія вѣка; а не взявшіе полного надѣла — долго ли, коротко ли — получать со временемъ столько земли, сколько захотятъ. По слухамъ, выходило, что въ будущемъ предстоитъ великая, общая дѣлешка, и крестьяне при этомъ получаютъ самой что ни на есть лучшей земли вдоволь... Письмоводитель мирового посредника — человекъ доброжелательный — напрасно уговаривалъ подлѣсновцевъ не отказываться отъ полного надѣла; тѣ не послушались.

— Дураки вы, дураки! Право! — говорилъ письменоводитель. — Бьютъ, такъ бѣги, а даютъ, такъ бери! Вотъ что! Брили бы теперь, сколько приходится, а потомъ, ежели прирѣзывать будутъ — и ладно... Вамъ же лучше!

— Нѣту! — покачивая головой, возражали крестьяне. — Ежели весь-то надѣлъ мы возьмемъ теперь такъ ужъ намъ отъ общаго-то размежеванья ничего и понюхать не придется...

— Это ужъ такъ! Это — вѣрно! — поддакивали въ толпѣ.

Когда о причинахъ отказа дошло стороной до мирового посредника, тотъ страхъ какъ окрысился на подлѣсновскихъ мужиковъ.

— Э-эхъ, дубье вы этакое! — оралъ онъ на подлѣсновскій міръ. — Кто вамъ, архаровцамъ, земли еще будетъ нарѣзывать! А? Вотъ олухи-то Царя

небеснаго! Вотъ тьма-то кромѣпная!... Бить, да бить васъ надо...

— За что же, ваше благородіе?—спокойно возражали ему подлѣснорцы.—Вѣдь мы супротивъ вашей милости—ничего... Воля ваша... А отъ земли отказываемся.

— Кто вамъ такую чепуху въ уши-то напѣлъ, а? Кто? Говори! — приступалъ посредникъ.

— Что это? — переговаривались между собою крестьяне.—Это насчетъ общаго-то размежеванья... Гм! Да кто его знаетъ... Такъ ужъ, значитъ, слухомъ земля полнится...

— Ну, такъ наплевать же! Чортъ съ вами! — осипшимъ голосомъ прохрипѣлъ посредникъ и даже раскраснѣлся весь.

Посредникъ сѣлъ въ тарантасъ и уѣхалъ, а крестьяне остались при своемъ.

Сосѣди смотрятъ на подлѣснорцевъ различно. Одни думаютъ, что они шибко промахнулись; другіе же находятъ, что подлѣснорскіе мужики — молодцы, тонко смекнули дѣло. Какъ бы то ни было, но подлѣснорскіе „молодцы“ сидятъ теперь на малыхъ надѣлахъ и все ждутъ какой-то общей земельной нарѣзки. А писмоводитель—доброжелательная душа—все ругается и съ сожалѣніемъ посматриваетъ на ихъ горемычное житье-бытье...

Меньше чѣмъ въ полуверстѣ отъ плотины стоялъ низенькій, сѣрый барскій домъ съ окнами, закрытыми ставнями, и съ наглухо запертыми дверями. Баринъ уже десятый годъ не живетъ въ своемъ имѣньи. Одни говорятъ, что онъ — въ Питерѣ, другіе, что онъ—за границей; навѣрно же никто

не знаетъ. Его Сукочевку арендуетъ теперь Гаврила Васильевичъ Кутузкинь. Этотъ второй гильдин купецъ нивѣсть откуда взялся въ подлѣсновской сторонѣ. Вскорѣ послѣ объявки воли налетѣлъ онъ на Подлѣсное — налетѣлъ сизымъ голубкомъ, а оборотился сѣрымъ коршуномъ. Плохо пришлось отъ этого коршуна подлѣсновскимъ птицамъ. Только что, было, въ февральскую оттепель избавились онѣ отъ своего гуся, глядишь — опять другая бѣда налетѣла... Гаврила Васильевичъ арендуетъ Сукочевку задешево (это всѣ знаютъ, кромѣ, вѣроятно, самого барина) и раздаетъ землю участками крестьянамъ втридорога. И крестьяне и дворовые берутъ у него землю, ибо у крестьянъ земли мало, а у дворовыхъ ея и вовсе нѣтъ. Часть земли Гаврила Васильевичъ воздѣлываетъ самъ, т.-е. крестьянскими же руками. Крестьяне и дворовые *поневоля съ радостію* идутъ къ нему на работу, когда дома у нихъ нѣтъ ни гроша; у Кутузкина же въ сундукахъ, какъ слышно, денегъ не въ проворотъ. Гаврила Васильевичъ живетъ на барскомъ дворѣ въ новомъ бревенчатомъ флигелѣ, съ толстыми ставеньками у оконъ и съ желѣзною кровлей. За флигелемъ тянутся громадныя амбары. На амбарной „галдареѣ“ денно и ночью торчитъ на привязи рыжій, косматый песъ, злющій, какъ чортъ... За барскимъ домомъ виденъ заглохшій садъ. Въ лѣтнюю пору садъ цвѣтетъ и благоухаетъ во всей своей дикой прелести; осенью же и по зимамъ онъ жалобно шумить, завываетъ и завываньемъ своимъ на робкую душу можетъ наводить тоску. Впрочемъ, на благополучнаго владѣльца бре-

венчатаго флигелька онъ тоски не нагоняетъ. О чемъ ему тосковать? Дѣла его идутъ хорошо; заборъ вокругъ двора и ворота крѣпки; у него есть псы сторожевые, есть приказчики-молодцы... Днемъ онъ хлопочетъ и благодушествуетъ; по ночамъ спитъ спокойно и видитъ все больше пріятные сны...

У сукочевскаго барина до воли жило на мѣсячинѣ дворовыхъ 41 человекъ. Послѣ февральскаго „погрома“ они разбрелись „туда и сюда“. Одинъ изъ нихъ — камердинеръ стараго барина, присутствовавшій при смерти своего господина, закрывавшій ему глаза и запиравшій его бюро, — записался въ купцы и завелъ въ городѣ гостиницу. Двое изъ лакеевъ ушли въ Москву: одного, говорятъ, видѣли половымъ въ какомъ-то трактирѣ у Красныхъ воротъ, а другой пропалъ безъ вѣсти. Четверо померло: трое — въ тифѣ, одинъ — въ чахоткѣ. Двое ушли въ каторгу.

Остальные уцѣлѣвшіе 32 человека пріютились между крестьянами въ Подлѣсномъ, но нельзя сказать, чтобы имъ было уютно, что они „слились съ общою массою населенія“... 12 человекъ изъ нихъ — бобыли, холостежь; 20 — семейныхъ. Они сняли задорого у крестьянъ маленькіе клочки земли и на этихъ клочкахъ построили себѣ хатки. Земли у нихъ столько, что на ней устанавливается только одна хата. У немногихъ есть огороды... Значить, волей-неволей, имъ приходится идти въ работу къ кулаку или самимъ снимать у него землю. На всѣхъ путяхъ въ жизни они непременно стал-

киваются съ кулаками. А тѣ ихъ не долюбиваютъ за то, что они смѣлы, больно на языкъ развязны. Крестьяне тоже отъ нихъ чураются, зовутъ ихъ „вольничей“... Дворовые, въ свою очередь, любятъ кулаковъ, какъ собака любитъ палку; въ крестьянахъ они тоже видятъ своихъ подневольныхъ враговъ. „Ради какой благодати мужики съ землей, а мы — безъ клочка своего?“ — раздумываютъ дворовые.

Не далъ Богъ ладу людямъ промежъ собой. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ изъ-за куска хлѣба, изъ-за воздуха и изъ-за воды — ладу никогда и быть не можетъ. Глухая, затаенная, подземная борьба шла въ Подлѣсномъ, не переставая, безъ явныхъ ожесточенныхъ стычекъ и безъ перемирій. Эта борьба высказывалась въ насмѣшкахъ, въ косыхъ, недовольныхъ взглядахъ, въ прижимкахъ всяческихъ и въ перебранкахъ, иногда даже очень крупныхъ.

— Потѣха! — толковали сосѣди про подлѣснцевъ. — Къ бѣднымъ-то да еще нищѣ присосѣдились... Вотъ-то, чай, будетъ у нихъ толкъ!

— Кошку съ лихой собакой заперли! — смѣхомъ замѣчали шутники.

II.

Вывезла кривая.

Въ тепломъ, весепнемъ воздухъ припахивало свѣжимъ, распускающимся листомъ. Вечерѣло. Солнце подвигалось къ закату и краснымъ свѣтомъ ярко озаряло бѣлыя, легкія облака, тихо-тихо проплывавшія надъ нимъ. А тамъ, выше этихъ облаковъ, небо разстилалось ясно, и молодой мѣсяцъ блѣднымъ серпомъ рисовался въ его далекой синевѣ.

Вечеръ былъ воскресный. На улицѣ и въ переулкахъ по Подлѣсному шлся народъ... И старикъ Митрофанъ выбрелъ изъ своей хатки. Опершись на костыль и наморщивъ свои сѣдые, густыя брови, посматривалъ онъ, прищурившись, на ясный закатъ.

— День-то, знать, завтра будетъ вѣтреный... — шамкалъ онъ, поглядывая на ярко горѣвшія на западѣ облака.

Старикъ ужъ давно научился по-своему узнавать всякую погоду. Красныя облака на небѣ, роса, туманы, вѣтеръ съ той или съ другой стороны, карканье грачей, полетъ стрижей слишкомъ низко по-надъ землей, боль въ поясницѣ, шумъ въ ухахъ—все это для него были примѣты, предсказанья, вѣрнѣе всякихъ предсказаній всѣхъ календарей на свѣтѣ...

Митрофанъ недолго посидѣлъ на завалинкѣ, потомъ взялъ, приперъ колышкомъ дверь своей хаты и побрелъ на „улицу“. Домашко-го его стоялъ въ сторонѣ... Смутно, тревожно стало у него на душѣ, когда онъ завидѣлъ издали у Климовой избы кучку мужиковъ... Скотъ уже гоняютъ за околицу пощипать молодую травку; скоро отслужать молебень и погонять скотину дальше, въ степь. Не сегодня-завтра мѣръ долженъ рѣшить вопросъ, важный для Митрофана: кого на лѣто поставить пастухомъ? Въ прошлый годъ пасъ Митрофанъ, но подъ конецъ крестьяне имъ стали недовольны. Грѣшокъ случился: сукочевской арендаторъ за потраву слупилъ. Старикъ не на шутку побаивался, что мѣръ станетъ искать другого пастуха — помоложе, да половчѣе. Положимъ, что за потраву тогда сошло съ души только копейки по 4, да, вѣдь, все-таки опасно. „Э-хъ, кабы да надумило ихъ...“—думалъ Митрофанъ, подвигаясь къ толпѣ. „Ужъ не о немъ ли рѣчь?“—подсказывало ему сердце. Сердце вѣрно чуяло: про него толкъ шелъ...

— Нѣтъ, братцы! Этакъ у насъ дѣло не выйдетъ...—говорилъ Климъ, нераженькой, невидный собою крестьянинъ, но зажиточный, вострой и уже норовившій попасть въ кулаки.—Осенью-то, вѣдь, мы за него 6 рубликовъ приплатили Гаврилѣ Васильичу. Будетъ съ него, побаловали... Не замай!

— Еще шесть съ полтиной, надо быть!—поправилъ другой крестьянинъ.

— Ну, воно — слышь! — подхватилъ Климъ. — Вѣрно говорю: другого нужно... Не пойдетъ ли хошь его Гапка, что ли?